

• •

■

II •

• •

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3408>]

[:]

• • 2001:
• • // IVS ANTIQVVM.

-
. 1 (8), 88-98.

II •

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

М. В. ЛЕДНЕВА*

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ТИБУРА II В. ДО Н. Э.

Определение государственно-правового статуса италийских городов является весьма плодотворной темой для исследования, которая уже не раз привлекала внимание историков и юристов¹. Тем не менее в этих работах данная проблема затрагивалась в общих чертах, подробно же юридическое положение отдельных римских союзников не освещалось. Для конкретизации нашего представления о правовом статусе италийских городов в целом необходимо по возможности точно определить юридический и фактический статус каждого из италийских союзников Рима в отдельности. Это поможет более наглядно и рельефно представить себе политическую и правовую историю Рима и Италии. В этой статье хотелось бы проанализировать государственно-правовое положение Тибура, одного из латинских союзников Рима, во II в. до н. э., т. е. в ту переломную эпоху, когда могущество римского государства существенно возросло, а нормы, регулирующие его взаимоотношения с союзниками, формально остались прежними, но на практике трансформировались с учетом новых реалий.

Как известно, II Пуническая война стала определяющим фактором развития Римского государства в то время. Е. Бадиан справедливо отмечает, что в ходе Ганнибаловой войны у латинских союзников, воевавших бок о бок с римлянами, выработалась привычка, более того, желание повиноваться последним, поскольку их войско обороняло территорию союзных государств², появилось ощущение связи своей собственной судьбы с судьбой Рима, невиданное дотоле чувство единства. Все это подкреплялось и чисто материальными основаниями. По окончании войны Италия представляла собой картину страшного опустошения. У союзников в отличие от Рима не было возможности восполнить потери за счет контрибуции, хотя они принимали участие в выведении колоний и получили свою долю военной добычи. Однако в целом возрождение союзных городов шло гораздо медленней, чем возрождение самого Рима³. Материальная мощь Рима уже в десятки раз превосходила силы любого из латинских союзников. В результате изменилось фактическое положение Рима в системе союзных отношений, укрепились его роль гегемона (*de facto*, но не *de iure*) Римско-италийского союза. В силу этого Рим мог активно вмешиваться во внутренние дела союзных государств, опираясь не столько на

* Леднева Мария Владимировна – аспирант кафедры истории древнего мира истфака МГУ им. М. В. Ломоносова.

¹ *Mommsen T.* Римская история. СПб., 1994–1995. Т. 1–4; *Mommsen T.* Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1871–1887. Bd. 1–3; *Beloch K. J.* Der italische Bund unter Rom's Hegemonie. Leipzig, 1880; *Willems P.* Droit public romain. Lovain, 1910; *Frezza P.* L'eforme federative e la struttura dei rapporti internazionale nell'antico diritto romano // SDHI. 1938. N 4. P. 397 ss.; *Sherwin-White A. N.* The Roman Citizenship. Oxford, 1939; *Sordi M.* I rapporti romano-gerici e l'origine della «civitas sine suffragio». Roma, 1960; *Catalano P.* Linee del sistema sovranazionale romano. Torino, 1965; *Toynbee A.* Hannibal's Legacy. L., 1965. Vol. 1, 2. *Badian E.* Foreign Clientelae. Oxford, 1984. *McDonald A. H.* Rome and the Italian Confederation (200–186 BC) // JRS. 1944. Vol. 34. P. 11–33; *Александренко В. Н.* Международное право Рима (признавал ли Рим существование международного права? Каковы внешние формы его проявления?) // ЖМНП. 1895. № 2. С. 301–322; *Нечай Ф. М.* Рим и италийцы. Минск, 1963; *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н. э. М., 1971.

² *Badian E.* Op. cit. P. 144–145.

³ *Ibid.* P. 149, 151.

статьи союзных договоров, сколько на собственный авторитет. Взаимоотношения Рима с союзниками начали регулироваться скорее обычаями и прецедентами, а не точными формулировками договоров⁴. Именно поэтому в сознании чужеземцев Рим и Италия в то время представлялись единым государством, а римляне отождествлялись с италийцами⁵.

Переходя к рассмотрению положения Тибура во II в. до н. э., следует отметить, что взаимоотношения Тибура и Рима в целом были сложными и подчас весьма напряженными. В IV в. до н. э. Тибур воевал с Римом, опираясь на помощь галлов⁶. После окончания II Латинской войны в 338 г. до н. э. ситуация коренным образом изменилась: Тибур из опасного противника превратился во вполне лояльного латинского союзника Рима (*socius Latini nominis*)⁷ и во время Ганнибаловой войны выдержал испытание на верность Риму⁸.

Данные источников о положении города после II Пунической войны довольно скудны, они ограничиваются несколькими сообщениями Полибия и Ливия и одним эпиграфическим памятником (CIL. XIV. 3584). Тем не менее на основе этих источников можно определить государственно-правовое положение Тибура во II в. до н. э. Особое внимание при этом следует уделить анализу надписи, которая представляет собой отчет претора Луция Корнелия о приеме в римском сенате тибуртинских послов. Эта надпись, вырезанная на медной табличке длиной в 20, а шириной в 30 см, была обнаружена в XVI в. при земляных работах близ церкви св. Лаврентия в Тиволи. Одновременно была найдена голова мраморной статуи (возможно, статуи претора Корнелия). Уже в XVI в. надпись была опубликована и обрела бессмертие, хотя в XIX в. сам оригинал и был утерян⁹. Надпись хорошо сохранилась, имеется лишь одна лакуна, которая не мешает установлению точного смысла текста. По содержанию это публично-правовой документ. В нем содержится указание на время и место описываемого заседания сената, а также перечень свидетелей. Язык надписи довольно архаичен. Несомненно, данные этого эпиграфического памятника, свидетельствующего о сугубо официальной церемонии, достоверны. Предлагаю перевод надписи¹⁰:

«Луций Корнелий, сын Гнея, претор советовался с сенатом за три дня до майских нон [5 мая] под сводами храма Кастора. Вели запись Авл Манлий, сын Авла, Секст Юлий ... Луций Постумий, сын Секста. Сенат обратил внимание на то, что вы, тибуртинцы, сказали и оправдались в этих делах, чтобы таким образом восторжествовала справедливость. Итак, мы выслушали то, что вы сказали. Было объявлено, что мы не склонили нашу душу к тому, что это было [действительно] совершено, так как мы не знали, что вы не могли бы совершить это по нашей вине (из-за наших благодеяний)¹¹, что было бы недостойно вас, если бы вы это сделали, и что совершать это не на пользу ни вам, ни вашему государству. После того как сенат услышал вашу речь, еще более (так как и прежде мы так считали) мы обратили нашу душу [к тому], что нет вашей вины в этих делах. Вы оправданы в них также перед сенатом. Мы считаем (необходимо, чтобы вы обратили внимание [на это]), что вы будете оправданы также народом римским»¹².

⁴ Badian E. Op. cit. P. 144–145, 151–152; Toynbee A. Op. cit. Vol. 2. P. 113.

⁵ Badian E. Op. cit. P. 149; Маяк И. Л. Указ. соч. С. 108.

⁶ Liv. VII. 9–19.

⁷ Liv. VIII. 14. 9–10; Toynbee A. Op. cit. Vol. 1. P. 249–250; Scullard H. H. A History of the Roman World 753–146 BC. L., 1980. P. 113; Маяк И. Л. Указ. соч. С. 41.

⁸ Sil. It. IV. 187, 224–225.

⁹ Inscriptiones Italiae. Vol. IV (Regio IV). Fasc. 1 – Tibur. (Curavit Mancini I.). Roma, 1952. P. 7. (Далее: I. I.).

¹⁰ Перевод выполнен по изд.: I. I. № 2.

¹¹ Слово *meritum* в данном случае можно толковать и как «благодеяние» (хотя трудно сказать, что римляне могли подразумевать под своими «благодеяниями»), и как «вину» (тем самым римляне снимали с себя возможное обвинение, что было характерно для народа, всегда стремящегося к тому, чтобы формальное «право» было на его стороне).

¹² I. I. 2.: L. Cornelius Cn. F. pr[ae]tor sen[at]um cons[uluit] a[n]te d[iem] III nonas Maias sub aede Castoris. Scr[ib]undo adf[uer]unt] A. Manlius A. F. Sex. Iulius ... L. Postumius S. F. Quod Teiburtes v[er]ba f[ec]istis] quibusque de rebus vos purgavistis, ea senatus animum advortit ita ut ei aequom fuit – nosque ea ita audiveramus ut vos deixistis vobis. Nuntiata esse: ea nos animum nostrum non inducebamus ita facta esse, propterea quod scriba-

Эта надпись датируется 159 г. до н. э. (претора Луция Корнелия Лентула Лупа¹³). Как известно, претор мог при необходимости созвать сенат и председательствовать на его заседании в отсутствие консулов, а также с согласия самих консулов или по особому требованию сената или комиций¹⁴. В 159 г. консулами были Гней Корнелий Долабелла и Марк Фульвий Нобилиор. Последний командовал войском в Лигурии и в 158 г. был удостоен триумфа как проконсул¹⁵. Таким образом, его, по всей видимости, не было в Риме, когда прибыли послы из Тибура. Корнелий же Долабелла, возможно, также отсутствовал или согласился на то, чтобы претор созвал сенат.

День, когда проходило это заседание сената (за три дня до майских нон, т. е. 5 мая) был *dies comitialis*. В такие дни можно было созывать народные собрания и проводить заседания сената¹⁶.

Заседание проходило в храме Кастора. Очевидно, имелся в виду храм Кастора и Поллукса на Форуме, освященный в 484 г. до н. э.¹⁷ Этот храм наряду с Гостилиевой курией, храмами Юпитера Капитолийского и Конкордии был обычным местом заседаний римского сената¹⁸. В I в. до н. э. ступени храма Кастора стали ареной драматических событий, когда Юлий Цезарь, а позже Клодий выдвигали там проекты своих законов¹⁹. Таким образом, заседание сената 5 мая 159 г. до н. э. по поводу приема тибуртинских послов на основании формальных признаков (время, место) можно признать вполне обычным и заурядным.

В надписи перечислены писцы, которые вели протокол заседания. Сначала указано имя консула 164 г. до н. э. Авла Манлия Торквата²⁰, затем имя претора 160 г. до н. э. Секста Юлия Цезаря²¹ и, наконец, имя курульного эдила 161 г. до н. э. Луция Постумия Альбина²². Наглядно видно, что эти люди перечислены согласно занимаемому ими положению в сенате: консуляр, преторий, эдилиций. Вероятно, в лакуне, находящейся между именами Секста Цезаря и Луция Постумия, скрывается имя некоего квестория.

Эта надпись уже рассматривалась в некоторых исследованиях, хотя ей и не уделялось пристального внимания. А. Макдональд объясняет эти события с помощью выдвинутой им «теории заговора». «Заговор» – это чрезвычайная ситуация, при которой римское государство могло вмешиваться во внутренние дела своих союзников, пренебрегая статьями договоров²³. Рим поступал таким образом при открытом мятеже против его власти, при заговоре с целью мятежа, при простом подозрении в неloyальности. Отправка тибуртинского посольства в Рим была обусловлена, согласно А. Макдональду, невыполнением со стороны союзников, т. е. тибуртинцев, каких-то обязательств по отношению к Риму²⁴. Это вызвало подозрения, и сенат потребовал от Тибура объяснений. Тибуртинские послы прибыли в Рим, где были приняты и оправданы сенатом. Таким образом, тибуртинцы были заподозрены в антиримском «заговоре».

Е. Бадиян, соглашаясь с мнением А. Макдональда, особо отмечает, что римляне пренебрегли при этом союзным договором²⁵. Это было следствием усиления могущества

mus, ea vos merito nostro facere non potuisse, neque vos dignos esse quei ea faceretis, neque id vobeis neque rei poplicae vestrae oitile est facere; et postquam vostra verba senatus audivit, tanto magis animum indoucimus (ita utei ante arbitrabamur), de eicis rebus af vobeis peccatum non esse. Quonque de eicis rebus senatuei purgati estis, credimus, vosque animum vostrum indoucere oportet, item vos populo romano purgatos fore.

¹³ Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Atlanta, 1986. Vol. 1. P. 446.

¹⁴ Scullard H. H. *Op. cit.* P. 126; *Нетушил И. В.* Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1894. Вып. 1: Государственное устройство Рима до Августа. С. 109.

¹⁵ Broughton T. R. S. *Op. cit.* P. 445–446.

¹⁶ Scullard H. H. *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. L., 1981. P. 270, n. 45.

¹⁷ *Ibid.* P. 277.

¹⁸ *Ibid.* P. 68, 222.

¹⁹ *Ibid.* P. 68.

²⁰ Broughton T. R. S. *Op. cit.* P. 439.

²¹ *Ibid.* P. 445.

²² *Ibid.* P. 444.

²³ McDonald A. H. *Op. cit.* P. 15.

²⁴ *Ibid.* P. 13.

²⁵ Badian E. *Op. cit.* P. 146.

Рима, которое привело к тому, что взаимоотношения Рима с союзниками стали напоминать взаимоотношения патрона с клиентами, отличительной чертой которых является повиновение сильнейшему²⁶. Речь шла о понижении фактического статуса союзников Рима (в нашем случае Тибура), хотя юридически прежние договоры оставались в силе и положение союзников не менялось²⁷.

Однако текст разбираемой надписи не дает повода подозревать римлян в пренебрежении к союзным договорам. Напротив, сенаторы отнеслись к тибуртинским послам с должным уважением как к представителям дружественного союзного государства. Вероятно, вывод английских исследователей можно принять, лишь учитывая широкий исторический контекст, о котором уже говорилось выше. Сама по себе эта надпись свидетельствует скорее об обратном: с формально-юридической точки зрения римляне соблюдали союзные договоры.

Попытаемся проанализировать приведенную выше надпись подробнее. Ее можно разделить на несколько частей: преамбула с указанием времени, места заседания сената и с перечислением писцов; основная часть, в которой кратко изложена «повестка дня» заседания (речь послов из Тибура, вынесение сенатского постановления, ответное выступление послов); заключение, в котором подводятся итоги заседания (оправдание сенатом тибуртинцев и ожидаемое подтверждение этого решения со стороны народного собрания). Это не простое описание события, а отчет об официальном мероприятии, приеме послов в сенате, причем отчет, пронизанный характерной римской фразеологией (это мимоходом подметил Е. Бадиан²⁸), согласно которой римляне – блюстители справедливости, всегда выполняющие все взятые на себя обязательства («вы не могли бы совершить это по нашей вине»). Недаром при объявлении войны римляне всегда заботились о том, чтобы она была «справедливой и угодной богам». Поэтому, опираясь на своеобразный «формульный» язык надписи, ничего определенного нельзя сказать о том, что вызвало отpravку тибуртинских послов в Рим. По всей видимости, это как-то затрагивало отношения Тибура с Римом. Возможно, тибуртинцев обвиняли в нарушении одной из статей союзного договора²⁹ или в организации антиримского заговора. Однако все подобные предположения являются не более чем догадками. Это связано скорее всего с тем, что основным источником, освещающим эти события, являются не нарративные данные, а надпись, в которой «по законам жанра» не может быть подробного и развернутого повествования.

Тем не менее эта надпись при сопоставлении с другими источниками может прояснить юридическое положение Тибура в Римско-италийском союзе во II в. до н. э. Тибур назван самостоятельным государством (*res publica*), сношения которого с Римом осуществляются через послов. Тибур, таким образом, не был частью собственно римской *civitas*, а являлся самостоятельной гражданской общиной, взаимоотношения которой с Римом регулировались договором³⁰. Следует добавить, что Тибур после 338 г. до н. э., т. е. после окончания II Латинской войны, обладал латинскими правами в Риме (*ius connubii, commercii, migrationis*)³¹ и, подобно остальным союзникам, обязан был поставлять вспомогательные отряды в римскую армию и был лишен самостоятельности в области внешней политики. Исходя из всего этого, Тибур обычно считают *socius Latini nominis*, т. е.

²⁶ Badian E. Op. cit. P. 152.

²⁷ Ibid. P. 149.

²⁸ Ibid. P. 151–152.

²⁹ Данные Полибия, которые будут рассматриваться ниже, свидетельствуют о том, что у Тибура был специальный договор с Римом. См.: Polyb. VI. 14. 7–8.

³⁰ Polyb. VI. 14. 7–8.

³¹ Учеными было отмечено, что эти права восходят к латинским *iuga*, относящимся к древнейшему «догородскому» периоду истории Лация. Позже эти права были законодательно оформлены. См.: Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 14, 32–33; Cornell T. J. Rome and Latium to 390 BC // САН. 1989. Vol. 7, Pt. 2. P. 270. Очевидно, что такой крупный латинский город, каким был Тибур, должен был сохранить латинские права в Риме (хотя был временно лишен их в других городах Лация) после поражения во II Латинской войне. Toynbee A. Op. cit. Vol. 1. P. 249–250, 257–258; Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 107–108; Маяк И. Л. Указ. соч. С. 41.

латинским союзником Рима³². Это означает, что юридически Тибур сохранил свой суверенитет. Фактически его суверенитет был ограничен сферой внутренней политики. В связи с этим хочется напомнить известное утверждение о том, что Тибур как *socius Latini nominis* обладал такой же степенью внутренней автономии, что и латинские колонии, и *civitates sine suffragio*, и *coloniae civium Romanorum*. Его суверенитет был чисто формальным. В этом и заключается противоречие юридического и фактического статусов города. Истоки этого противоречия уходят своими корнями ко времени II Латинской войны, после победы в которой римляне реорганизовали Латинский союз на новых началах. Именно тогда было заложено это фундаментальное противоречие между юридическим и фактическим положением латинских союзников, которое с ростом римского могущества становилось все более и более явным. Это вызывает закономерный вопрос, зачем это было нужно практичным римлянам? В поисках ответа на него обратимся к другой проблеме, а именно к проблеме изгнания, так как, по авторитетным сообщениям Полибия, Ливия, Овидия, Валерия Максима и Плутарха³³, Тибур и его ближайший сосед Пренесте были обычными местами изгнания. Сначала определим в самых общих чертах суть понятия *exilium*.

Наиболее четко пишет об институте изгнания Цицерон. В речи за Цецину (*Pro Caec. 100*) он отмечает: «...изгнание – не наказание, а убежище и гавань для наказуемых; из желания избежать какого-нибудь наказания или несчастья люди “меняют почву”, т. е. избирают другую родину, другое место жительства. Вот почему вы ни в одном нашем законе не найдете, чтобы какие бы то ни было преступления, как в остальных государствах, наказывались изгнанием. Нет: желая избежать заключения, казни, позора, определенных законом, люди прибегают к изгнанию, точно к алтарю спасения. Если бы они желали подвергнуться строгости законов, они потеряли бы гражданство только вместе с жизнью; а раз они этого не желают, то ясно, гражданство не отнимается у них, а ими же слагается и оставляется. Дело в том, что по нашему праву никто не может быть одновременно гражданином двух общин; итак, лишь только эмигрант принят в “изгнание”, т. е. в состав другой общины, – он этим самым теряет наше гражданство» (*пер. Ф. Ф. Зелинского*)³⁴. Таким образом, с юридической точки зрения, изгнание – это перемена гражданства: человек, переселяясь, вступает в состав другой гражданской общины, приобретает тамошние права гражданства и вместе с тем автоматически теряет права гражданства в Риме. Изгнание – это *capitis deminutio media* (человек становился peregrinum в своей родной общине, он терял *status civitatis*, *status familiae*, но сохранял *status libertatis*)³⁵. Местом же изгнания должен был служить город, граждане которого пользовались собственными правами гражданства и не обладали полнотой римских гражданских прав.

В другой своей речи (*De domo. 78*) Цицерон упоминает об изгнании по иной причине: «Что же касается гражданских прав, то никто никогда не должен их терять без своего согласия, несмотря ни на какое повеление народа... осужденные за уголовные преступления лишались прав нашего гражданства только после того, как их принимали в число граждан того места, куда они прибывали с целью “перемены местожительства”, т. е. переселения. Но поступать так их заставляли не лишением гражданских прав, а запретом предоставлять им кров, воду и огонь» (*пер. Ф. Ф. Зелинского*)³⁶. Таким образом, в этом

³² На это указывали многие ученые, в частности, см.: *Toynbee A. Op. cit. Vol. 1. P. 249–251.*

³³ *Polyb. VI. 14. 7–8; Liv. III 58, 10; IX. 30. 5–10; Ovid. Fast. VI. 652–692; Ex Pont. I. 3, 82; Val. Max. II. 4–5; Plut. R. Q. 55.*

³⁴ *Cic. Pro Caec. 100: Exsilium enim non supplicium est perfrugium portusque supplicii. Nam qui volunt poenam aliquam subterfugere aut calamitatem, eo solum vertunt, hoc est, sedem ac locum mutant. Itaque nulla in lege nostra reperietur, ut apud ceteras civitates, maleficium ullum exsilio esse mulctatum; sed cum homines vincula, necesse ignominiasque vitant, quae sunt legibus constitutae, confugiunt quasi ad aram in exsilium. Qui si in civitate legis vim subire vellent, non prius civitatem quam vitam amitterent; quia nolunt, non adimitur iis civitas, sed ab iis relinquuntur atque deponitur. Nam cum ex nostro iure duarum civitatum nemo esse possit, tum amittitur haec civitas denique, cum is qui profugit receptus est in exsilium, hoc est, in aliam civitatem.*

³⁵ *Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 127; Хаостов В. М. Система римского права. М., 1996. С. 98.*

³⁶ *Cic. De domo. 78: Civitatem vero nemo umquam ullo populi iussu amittet invitus... qui erant rerum capitalium condemnati, non prius hanc civitatem amittebant, quam erant in eam recepti, quo vertendi, hoc est mutandi, soli causa venerant. Id autem ut esset faciendum, non ademptione civitatis, sed tecti et aquae et ignis interdictione faciebant.*

случае в изгнание удалялись не в страхе перед возможным наказанием, а вследствие наложения самого наказания. Юридически такая кара именовалась запретом крова, огня и воды (*interdictio tecti et aquae et ignis*), но практически под этим подразумевалось изгнание.

В трактате «Об ораторе» (*Cic. I. 177*) Цицерон пишет о некоем человеке, отправившемся в изгнание в Рим (вероятно, это произошло во времена Цицерона): «А другой спор, решавшийся, как мы слышали, также в суде центумвиров, – спор по делу об одном изгнаннике, удалившемся в Рим, где он имел изгнанническое право проживать под чьим-нибудь условным покровительством, и там умершем без завещания?» (*пер. Ф. А. Петровского*)³⁷. На основании этих данных можно заключить, что в изгнание в эпоху Цицерона можно было уходить не только из Рима в какой-либо союзный город, но и в сам Рим (вероятно, из города, формально являвшегося суверенным). Акт изгнания регулировался особым правом (*ius*). А. Н. Шервин-Уайт предполагает, что *ius exilii* наравне с *ius connubii*, *commercii*, *postliminii* уходит своими корнями в древнейшую догородскую эпоху³⁸. Если учесть, что мобильность населения (точнее, наиболее обеспеченных слоев его³⁹) в древнем Лации была велика, то можно согласиться с таким предположением. Человек, ушедший в изгнание, должен был выбрать себе «патрона». Таким образом, на новом месте изгнанник становился не совсем равноправным гражданином, а «клиентом» какого-либо влиятельного лица. Это выглядит вполне естественным, ибо изгнаннику трудно было самостоятельно освоиться на новой «родине», ему нужна была поддержка. Однако, видимо, юридический статус лица, оказывающего такую поддержку, не был окончательно определен, поэтому Цицерон и пишет *quasi patronus*. Его функции могли, наверное, напоминать функции патрона, но тем не менее взаимоотношения между изгнанником и квази-патроном скорее всего не были в полном смысле слова отношениями патроната-клиенты. В общественном сознании изгнание представлялось обычно страшным несчастьем⁴⁰. Надо было попасть в крайне затруднительное положение, чтобы отказаться от привилегий римского гражданства и отправиться в изгнание.

Полибий в своей «Всеобщей истории» также останавливается мимоходом на проблеме изгнания: «В этом отношении у римлян существует порядок, достойный похвалы и упоминания, именно: осуждаемым на смерть в то время, как приговор постановляется, они позволяют согласно обычаю уходить явно, осудить себя на добровольное изгнание, хотя бы одна только треть из участвующих в постановлении приговора не подала еще своего голоса. Местами убежища для изгнанников служат города: Неаполь, Пренесте, Тибур и все прочие, состоящие в клятвенном союзе с римлянами»⁴¹ (*пер. Ф. Г. Мищенко*). Под «клятвенным союзом», вероятно, следует подразумевать договор (*foedus*). Таким образом, сведения Полибия прекрасно дополняют данные Цицерона в речи в защиту Цецины. Так как *de iure* изгнание – это перемена гражданства, то можно было уходить только в те города, которые, хотя бы номинально, но были самостоятельны, права и обязанности которых (возможно, и *ius exilii*) были зафиксированы в официальном союзном договоре.

В связи с этим следует затронуть в самых общих чертах проблему юридического положения городов Лация после II Латинской войны. Рассмотрение этого вопроса заслуживает специального исследования, в данной работе он будет лишь намечен. Как известно, города Лация после 338 г. до н. э. оказались разделенными на несколько категорий. Часть городов (Нумент, Пед, Ариция, Ланувий⁴²) получили полные права римского гра-

³⁷ *Cic. De orat. I. 177: quod item in centumvirali iudicio certatum esse accepimus, qui Romam in exilium venisset, cui Romae exulare ius esset, si se ad aliquem quasi patronum applicuisset, intestatoque esset mortuus.*

³⁸ *Sherwin-White A. N. The Roman citizenship. Oxford, 1939. P. 32–33.*

³⁹ *Ibid. P. 31.*

⁴⁰ *Cic. Pro Mur. 89; Balsdon J. P. Romans and aliens. L., 1979. P. 111–112.*

⁴¹ *Pol. VI. 14. 7–8(7): Καὶ γίγνεται περὶ ταύτην τὴν χρεῖαν παρ' αὐτοῖς ἀξιῶν ἐπαίνου καὶ μὴμης. Τοῖς γὰρ θανάτου κρινομένοις, ἐπὶν καταδικάζονται, δίδωσι τὴν ἐξουσίαν τὸ παρ' αὐτοῖς ἕθος ἀπαλλάττεσθαι φανερώς κἂν ἔστι μία λείπηται φυλὴ τῶν ἐπικυρωσῶν τὴν κρίσιν ἀψηφοφόρητος, ἐκούσιον ἑαυτοῦ καταγίνεσθαι φυγαδεῖαν. (8) ἔστι δ' ἀσφάλεια τοῖς φεύγουσιν ἐν τε τῇ Νεαπολιτῶν καὶ Πραίνεστινῶν, ἔτι δὲ Τιβουρίων πόλει, καὶ ταῖς ἄλλαις, πρὸς ἃς ἔχουσιν ὄρκια.*

⁴² *Liv. VIII. 14. 2–3.*

жданства. При этом самоуправление в таких городах сохранялось, городская община продолжала существовать внутри римского государства, хотя официально местные жители были гражданами Рима⁴³. Другие города, например Фунды и Формии⁴⁴, получили римское гражданство без права голосования (*civitas sine suffragio*). Они также сохраняли свою внутреннюю автономию⁴⁵, но их гражданские права в Риме были неполными, так как они были членами римской *civitas* без права голосования⁴⁶. Юридически они не были независимыми государствами, а входили в состав Рима, хотя и обладали там не всей полнотой прав. Третьей категорией латинских городов были колонии римских граждан (*coloniae civium Romanorum*). Они считались частью римского государства, колонисты являлись *cives Romani*⁴⁷. Хотя, вероятно, они не могли осуществлять *ius honoꝛum*, живя в колонии⁴⁸. Первоначально эти колонии были небольшими (300 человек), позже стали выводить более крупные гражданские колонии, внутренняя жизнь которых была сложнее⁴⁹. Колонисты, тем не менее, оставались римскими гражданами. Следующую группу городов составляли латинские союзники (*socii Latini nominis*). В эту категорию входили собственно латинские союзники Рима (Тибур и Пренесте), колонии латинского права (Норба, Setia, Сигния и т. д.) и члены герникской федерации⁵⁰. Все они обладали латинскими правами (*ius connubii, commercii, migrationis*, правом участвовать в выведении колоний). А. Н. Шервин-Уайт⁵¹, а вслед за ним А. Тойнби⁵² считают, что не было юридической разницы в положении латинских союзников, колоний латинского права и герникских городов, которые являлись независимыми государствами со своим, не совпадающим с римским гражданством. А. Н. Шервин-Уайт отмечает, что *socii Latini nominis* не были связаны с Римом официальными договорами⁵³. Однако это противоречит данным Полибия, который указывает на то, что Тибур и Пренесте были связаны с Римом «клятвенным союзом» (ἄρκια)⁵⁴. Вероятно, была определенная юридическая разница в положении колоний латинского права и латинских союзников Рима. Первые не были связаны с Римом договором, так как их статус регулировался односторонним актом (*lex colonia, senatus consultum*)⁵⁵. Последние же, напротив, заключали с Римом договор, в котором и фиксировались права и обязанности союзников, в том числе, вероятно, и *ius exilii*. Латинские союзники составляли скорее всего особую юридическую категорию внутри *socii Latini nominis*. В отличие от колоний латинского права, они могли принимать изгнанников, поелику отвечали необходимым для этого требованиям, а именно обладали юридически признанной независимостью и официальным двусторонним договором с Римом (*foedus*). В Лации было, по всей видимости, всего два таких города, Тибур и Пренесте. Так как следует учитывать, что изгнанники, естественно, стремились поселиться неподалеку от Рима и жить в привычной обстановке, то легко можно понять, почему Тибур стал обычным местом изгнания. Этот город с юридической точки зрения был независим, обладал *foedus*, располагался недалеко от Рима (до него можно было добраться за несколько часов⁵⁶), имел ряд прав в Риме (*ius connubii, commercii, migrationis*, право участвовать в выведении колоний)⁵⁷. Поэтому Тибур стал одним из самых подходящих мест для изгнания.

⁴³ *Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 66, 69.*

⁴⁴ *Liv. VIII. 14. 10.*

⁴⁵ *Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 54.*

⁴⁶ *Ibid. P. 47.*

⁴⁷ *Ibid. P. 73.*

⁴⁸ *Маяк И. Л. Указ. соч. С. 48.*

⁴⁹ *Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 73, 80–81.*

⁵⁰ *Toynbee A. Op. cit. Vol. 1. P. 249–251.*

⁵¹ *Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 93.*

⁵² *Toynbee A. Op. cit. Vol. 1. P. 252, 255.*

⁵³ *Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 91.*

⁵⁴ *Polyb. VI. 14. 7–8.*

⁵⁵ *Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 91–92, 99.*

⁵⁶ *Ovid. Fast. VI. 673–683.*

⁵⁷ *Маяк И. Л. Указ. соч. С. 72–73.*

Самое первое упоминание о Тибуре в повествовании Ливия связано именно с изгнанием. М. Клавдий, клиент Аппия Клавдия, покушавшегося на честь Вергинии, ушел в изгнание в Тибур⁵⁸. Изгнание в данном случае служило заменой смертной казни. Таким образом, в середине V в. до н. э. между Тибуром и Римом точно существовал *ius exilii*.

В сочинениях Ливия, Овидия, Валерия Максима и Плутарха содержится рассказ о флейтистах, которые отправились в добровольное изгнание в Тибур, а затем были возвращены в Рим. Ливий отмечает, что цензоры 312 г. до н. э. Аппий Клавдий Цек и Гай Плавций запретили флейтистам пировать в храме Юпитера. Тогда последние ушли в Тибур. Сенат отправил туда послов с просьбой вернуть флейтистов, услуги которых были необходимы при богослужении. Тибуртинцам не удалось уговорить флейтистов вернуться. Тогда был устроен пир, после которого сонных и пьяных музыкантов посадили на телеги и отвезли в Рим. В Риме же им снова разрешили пировать в храме Юпитера⁵⁹. Таким образом, причиной изгнания послужил цензорский запрет, который нарушал древний обычай (это хорошо согласуется с довольно радикальным стилем цензуры Аппия Клавдия Цека, что описано тем же Ливием⁶⁰). Вероятно, это действие цензора было воспринято коллегией флейтистов⁶¹ как бесчестье (*ignominia* по терминологии Цицерона⁶²). Единственным выходом из такого состояния служило добровольное изгнание, т. е. с юридической точки зрения *capitis deminutio media*⁶³. Проблема возвращения флейтистов решается на межгосударственном уровне (сенат отправляет послов, в Тибуре флейтистов убеждают в курии). Это подтверждает сообщение Полибия о том, что местом изгнания мог быть союзный независимый город. Это показывает также механизм взаимоотношений Рима с латинскими союзниками. В качестве такового Тибур оставался автономной *civitas*, что и обнаруживается в данном случае.

Овидий дает несколько иную версию истории с флейтистами⁶⁴. Причинами изгнания послужили, по-видимому, уменьшение оплаты труда (выражение *subito gratae frangeret artis opes*⁶⁵ буквально означает «внезапно истощились доходы от приятного искусства») и сокращение числа флейтистов, обслуживающих похороны, до десяти. Известно, что последнее положение содержалось в законах XII таблиц⁶⁶. Может быть, Аппий Клавдий стремился заставить людей исполнять древние установления. В определенном смысле, таким образом, сообщение Овидия расходится с Ливиевым. Но в то же время, в целом, обиды, нанесенные флейтистам, о которых рассказывает Овидий, также можно расценить как ущерб, нанесенный *honos*, т. е. как *ignominia*. Следовательно, по своему типу мотив удаления флейтистов у Овидия подобен мотиву их удаления у Ливия. Однако различия между Овидием и Ливием этим не исчерпываются: согласно Овидию, флейтистов возвращает коллега Аппия Клавдия Цека по цензуре Плавций, а не сенат, как у Ливия. Более подробно Овидий рассказывает анекдот о возвращении флейтистов в Рим при помощи хитрости. Этот анекдот свидетельствует о социальном составе коллегии. Так как флейтисты пировали у вольноотпущенника, значит, их социальный статус был сравнительно низким. Вероятнее всего, состав коллегии был целиком плебейским. Следует заметить, что, согласно цензовой реформе Сервия Туллия, музыканты были отнесены к одному из последних имущественных разрядов (Дионисий помещает их в четвертый⁶⁷, а Ливий в пятый разряд⁶⁸).

⁵⁸ *Liv.* III. 58. 10.

⁵⁹ *Liv.* IX. 30. 5–10.

⁶⁰ *Liv.* IX. 29. 5–30. 2.

⁶¹ *Val. Max.* II. 4; Кулаковский Ю. А. Коллегии в Древнем Риме. Киев, 1882. С. 33.

⁶² *Cic.* *Pro Saec.* 100.

⁶³ Бартошек М. Указ. соч. С. 127; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 98.

⁶⁴ *Ovid.* *Fast.* VI. 652–692.

⁶⁵ *Ovid.* *Fast.* VI. 660.

⁶⁶ *Cic.* *Leg.* II. 23, 59; *Tab.* XII. Т. X. 3.

⁶⁷ *Dion. Hal.* IV. 17. 3–4; *Crowford M.* *The Early Roman Economy 753–280 BC // L'Italie preromaine et la Rome republicaine.* Roma, 1976. P. 206.

⁶⁸ *Liv.* I. 43. 7.

Таким образом, ясно, что версия Овидия в ряде характерных деталей (мотив изгнания, описание возвращения флейтистов) отличается от рассказа Ливия. Следовательно, эти авторы опирались на разные источники. Но в то же время в трактовке той проблемы, которая важна для нас, они едины – Тибур был местом добровольного изгнания, вызванного стремлением избежать бесчестия или позора.

Еще одним автором, оставившим свидетельство об изгнании флейтистов, был Валерий Максим⁶⁹. Его сообщение напоминает версию Ливия (вплоть до совпадения ключевых слов). Это позволяет предположить, что он либо заимствовал этот сюжет целиком у Ливия, либо опирался на общий с ним источник.

Несколько иную трактовку этих событий дает Плутарх⁷⁰. Он ссылается на обычное объяснение (λεγομένη αἰτία), возможно, он имеет в виду устную традицию. В отличие от других авторов он удревяет этот сюжет. Согласно Плутарху, не цензор 312 г. до н. э. Аппий Клавдий Цек, а децемвир 451 г. до н. э. Аппий Клавдий отнял почетные права (τιμὰς) у флейтистов. Что подразумевается под почетными правами, неясно. Однако же по типу это та же самая *ignominia*, о которой говорят другие авторы и ответом на которую послужило добровольное изгнание флейтистов в Тибур. О том, кто возвращал флейтистов, Плутарх пишет неточно: импульс исходил от жрецов (скорее всего от влиятельных патрициев, может быть, членов сената). Просили о возвращении, вероятно, тоже на официальном уровне через посланников (εταπεμπόμενοι).

Таким образом, с источниковедческой точки зрения, перечисленных выше авторов можно разделить на три группы: Ливий и Валерий Максим, Овидий, Плутарх. Следовательно, они опирались, по крайней мере, на три разных источника. Для нашей темы не является важным вопрос об историчности легенды и датировке этого изгнания. Интересно другое: древние писатели едины в том, что изгнание было добровольным, служило ответом на *ignominia* и что местом изгнания был Тибур. В этом смысле даже сама противоречивость наших источников является доказательством того, что Тибур в течение длительного времени был обычным пристанищем изгнанников.

Ливий сохранил еще одно упоминание о Тибуре как о месте изгнания, которое особенно ценно для нас, так как относится ко II в. до н. э., т. е. современно приведенной выше надписи. М. Матиен⁷¹, претор 173 г. до н. э, после пропретор в Дальней Испании, был привлечен к суду испанскими послами в 171 г. до н. э. Ему, а также П. Фурию Филу, который был пропретором Ближней Испании в 174 г. до н. э, предъявили обвинение в вымогательстве (*actio de repetundis*). Было назначено пять судей-сенаторов (*recuperatores*). В качестве своих защитников испанцы выбрали Л. Эмилия Павла и Г. Сульпиция Галла⁷².

Несомненно, добиться справедливости испанцам тогда было почти невозможно, так как вся судебная процедура находилась в руках римлян. Об этом пишет сам Ливий. По его словам, ходили слухи, будто сами защитники испанцев были на стороне обвиняемых, людей знатных и влиятельных⁷³. Характерно, что это косвенно подтверждают сообщения того же Ливия. В 181 г. до н. э. во время войны с лигурами-ингавнами Л. Эмилий Павел, один из защитников, попал в крайне затруднительное положение. Тогда Матиен был назначен одним из корабельных дуумвиров (вторым был Г. Лукреций) и ему было поручено сенатом помочь Л. Эмилию⁷⁴. Хотя последнему удалось спастись самому⁷⁵, однако показательно то, что поручение по выручке Л. Эмилия было дано именно Матиену. Во время той войны Матиен прославился захватом лигурийских разбойничьих кораблей. Сенату сообщили об этом Л. Аврелий Котта и Г. Сульпиций Галл⁷⁶. Это значит, что

⁶⁹ *Val. Max.* II. 4–5.

⁷⁰ *Plut. R. Q.* 55.

⁷¹ Ливий называет его то Марком (XLII. 1. 5), то Гаем (XLI. 28. 5) Матиеном.

⁷² *Liv.* XLIII. 2. 1–10.

⁷³ *Liv.* XLIII. 2. 11.

⁷⁴ *Liv.* XL. 26. 8.

⁷⁵ *Liv.* XL. 27–28. 6.

⁷⁶ *Liv.* XL. 28. 7–8.

Г. Сульпиций Галл, вероятно, служил под началом Матиена или Л. Эмилия. Таким образом, ясно, что Г.(М.) Матиен был связан с защитниками испанцев Л. Эмилием Павлом и Г. Сульпицием Галлом, которые скорее всего были на его стороне в этом судебном процессе.

Вероятно, положение Матиена все-таки было критическим, несмотря на поддержку могущественных людей. Злоупотребления его в провинции были настолько велики, что он был вынужден уйти в изгнание в Тибуру⁷⁷. В результате прежде столь влиятельный римский претор Матиен должен был стать, по всей видимости, гражданином Тибура. Как уже отмечалось выше, изгнание считалось большим несчастьем, поэтому к нему прибегали под давлением крайне тяжелых обстоятельств. В случае с Матиеном мы видим пример использования добровольного изгнания, с тем чтобы избежать наказания.

Сохранилось также краткое упоминание в периферии к 55-й книге Т. Ливия о некоем Г. Матиении (С. Matienius)⁷⁸. С большой долей вероятности можно предположить, что Matienius – это вариант написания или неправильное написание того же родового имени Matienus. Согласно Ливию, в 138 г. до н. э. консулы П. Корнелий Назика и Д. Юний Брут наказывают Г. Матиения за дезертирство розгами для устрашения войска⁷⁹. По всей видимости, наказанный Г. Матиений – не бывший претор, отправившийся в изгнание, а кто-либо из его потомков. Сведения о наказании дезертиров розгами этими консулами, но без упоминания имен наказуемых, дает также Фронтин в «Стратегемах»⁸⁰. Вероятно, такой факт действительно имел место. Он красноречиво свидетельствует о понижении социального статуса изгнанника, которого могли даже выпороть, в то время как римского гражданина, тем более аристократа, по закону не разрешалось подвергать телесным наказаниям (*lex Porcia de tergo civium*).

Происшедшее с Матиеном было, судя по всему, вполне заурядным явлением в эпоху Республики. Магистраты, представители римского нобилитета, совершавшие вопиющие злоупотребления, искали спасения от возмездия в добровольном изгнании. Вероятно, Тибуру принял многих людей, подобных Матиену.

Подводя итоги, можно попытаться дать ответ на вопрос, поставленный выше. Вероятно, противоречие между юридической независимостью Тибура и его фактическим подчинением Риму во II в. до н. э. отчасти было связано с тем, что этот город был удобным пристанищем для изгнанников. В источниках зафиксировано три случая использования Тибура в качестве места для изгнания (сер. V в. до н. э., 311–312 гг. до н. э., 171 г. до н. э.). Это показывает, что Тибуру в течение долгого времени принимал изгнанников. Все сохранившиеся данные о Тибуре как о месте изгнания свидетельствуют о добровольном изгнании. Поскольку, с одной стороны, *exilium* – это перемена гражданства, а с другой – древнейшее *ius*, то, вероятно, первоначально практически каждый город в Лации мог принимать изгнанников из другого города, поскольку многие поселения были независимы и связаны с Римом договором. Постепенно, с ростом могущества Рима, который подчинил себе весь Лаций, количество городов, имевших статус юридически независимых *res publica* и, следовательно, право принимать изгнанников, резко сократилось. Возможно, первоначально (сразу после 338 г. до н. э.) формальный суверенитет был дарован Тибуру не столько ради того, чтобы использовать этот город как место изгнания, сколько в память о его былом могуществе. С одной стороны, это совершенно не ущемляло интересы самих римлян, а с другой – было проявлением уважения к патристическим чувствам тибуртинцев, что должно было способствовать их лояльности. Однако позже, во II в. до н. э., сохранение номинальной независимости Тибура стало юридической фикцией, выгодной для римского нобилитета, который был правящим классом римской державы. Многие аристократы, совершившие преступления, могли

⁷⁷ Liv. XLIII. 2. 10.

⁷⁸ Liv. Per. LV.

⁷⁹ Liv. Per. LV.

⁸⁰ Frontin. Strat. IV. 20.

уйти от ответственности, удалившись в изгнание в город, находящийся близ Рима. Такая практика продолжалась вплоть до Союзнической войны, когда Тибур приобрел права римского гражданства и вошел в состав римской *civitas*⁸¹.

M. V. LEDNEVA

LE PARTICOLARITÀ DELLO STATUS
GIURIDICO-STATALE DI *TIBUR*
NEL II SEC. A. C.

(RIASSUNTO)

Il secondo secolo a. C. è un'epoca di rottura nello sviluppo dello Stato romano. Dopo la fine della guerra contro Annibale, Roma diventa di fatto egemone nell'alleanza romano-italica, mentre gli alleati si trasformano in suoi sudditi. Tenendo conto di questo contesto storico è importante esaminare come una tale situazione abbia influenzato il campo del diritto. Nell'articolo si studia lo *status* giuridico-statale di *Tibur* nel II sec. a. C., in base ad una iscrizione (CIL. XIV. 3584) che è il resoconto fatto dal pretore L. Cornelio dell'udienza concessa dal Senato romano ad ambasciatori tiburtini nel 159 a. C. Nel testo epigrafico, a causa del linguaggio particolare e pieno di formule, risulta difficile trovare con precisione la causa dell'ambasciata a Roma con lo scopo di giustificarsi nei confronti dei Romani per alcune «cose». È possibile che i tiburtini fossero sospettati di cospirazione antiromana o di violazione del trattato di alleanza. Il Senato romano non soltanto aveva giustificato i tiburtini, ma aveva perfino rifiutato di credere che l'accusa fosse vera. È noto che dopo la sconfitta nella seconda guerra

Latina (340–338 a. C.), *Tibur* diventa *socius Latini nominis*, cioè conserva l'indipendenza giuridica, che però di fatto era limitata all'autonomia interna. Il testo dell'iscrizione non indica che lo *status* giuridico-statale di *Tibur* subisse peggioramenti, né che i tiburtini venissero trattati come sudditi invece che come alleati con pari diritti. Però tutto ciò non concorda bene con la realtà storica del II sec. a. C. e dà l'impressione della finzione giuridica. Poiché *Tibur* di quei tempi era spesso il luogo dell'esilio volontario per i nobili romani colpiti dalla persecuzione giudiziaria in madrepatria (*Polyb.* VI. 14. 7–8; *Liv.* XLIII. 2. 1–10), si può supporre che questo fatto fosse uno dei motivi per conservare lo *status* giuridico-statale di *Tibur*. Solo *civitates* indipendenti e legate a Roma da accordi bilaterali potevano ospitare gli esiliati. Nel Lazio del II sec. a. C. soltanto due città, *Tibur* e *Praeneste* erano conformi a queste condizioni. La nobiltà romana, la classe di governo dello Stato romano, i cui componenti commettevano spesso clamorosi abusi, otteneva così la possibilità di partire in esilio senza allontanarsi troppo da Roma.

⁸¹ Тоунбее А. Опр. cit. Vol. 1. P. 253; Маяк И. Л. Указ. соч. С. 41.